

«Дорогая Лауретта,

милая кузина, такая же сирота, как и я! В тебе, как и во мне, наша нестигаемая бабушка с детства взрастила культ благородного родословного древа. Сможешь ли ты когда-нибудь простить меня за книгу о наших предках, за то, что я раскрыла все их потаенные секреты и грехи аж с самого XVI века, когда вице-король одним росчерком пера по пергаменту сделал нашу кровь голубой, а не красной, как у всех прочих жителей Ордалэ и Донóры?

Теперь, когда нам обеим под сорок, когда мы пережили сексуальную революцию безумных шестидесятых и даже успели ее осмыслить, гораздо легче принять, что наши предки, особенно дамы, поучаствовали в немалом количестве постельных историй и вообще далеко не всегда вели себя благопристойно. Я понимаю, многим трудно представить, что их родители занимались сексом. Но ведь без этого не было бы и нас!..

А бабушки-дедушки? Как представишь, что они тоже, грешным делом, пыхтели под одеялом... Вот с прабабушками-прадедушками — там будет проще, особенно если

вспомнить, что они, как-никак, подарили миру пятнадцать детей. А уж когда речь пойдет об их родителях и родителях их родителей... В общем, ясно, что без сексуальной активности наших предков человечество просто исчезло бы!

И тем не менее ты, Лауретта, стоит упомянуть эту тему, сразу же затыкаешь уши и вопишь: “О таком только маньяки и думают!”

Эх, Лауретта, Лауретта! Ты ведь была так рада узнать, кем были наши предки, чем они занимались, что, например, происходило между дядей Таном и Армеллиной или что за художник изобразил Гарсию и Химену в Ордальском соборе... Ты любовно хранишь парчовое платье, которое наша бабушка, донна Ада Феррелл, надевала в день свадьбы. А свадьба, видишь ли, подразумевает общую постель! Что же происходит по ночам в этой постели? В следующие несколько лет родились дети, семеро, — их что же, принес Дух Святой в виде голубя? Неужели тебе, Лауретта, действительно нужно объяснять, как это происходит?

А теперь, когда миновала последняя буря*, выслушай меня. Я поведаю тебе такие тайны, что ты и представить себе не можешь.

Твоя Адита»

* Парафраз стихотворения Джакомо Леопарди «Покой после бури». — Здесь и далее прим. пер.

События и персонажи, описанные в этой книге, — плод авторской фантазии. Реальна только историческая эпоха, точнее, разные исторические эпохи, в которых действуют герои, а также некоторые упомянутые в тексте географические точки, как в Италии, так и за ее пределами, вроде Кембриджа, Болоньи или Эпидавра — духовных центров и символов западной культуры.

А вот герои, живущие в этих точках личной или общественной жизнью, напротив, от начала до конца выдуманы. Любое сходство с реально существующими людьми случайно и непреднамеренно.

Доноры не существует, как нет и Ордале. Вы никогда не найдете их на географической карте или в Google Maps. Ими могли бы стать любой провинциальный городок и любая деревушка любого итальянского региона, выходящего к Средиземному морю.

Зато музыканты, авторы рок-опер на сюжет мифа об Орфее, — итальянец Тито Скипа-младший, русский Александр Журбин и грек Мимис Плессас — на самом деле существуют.

Мимиса, которому уже за девяносто и который, пока я писала эту книгу, продолжал колесить по миру, собирая всевозможные награды и премии, я благодарю за щедрое предоставление всей возможной информации о его рок-опере и приношу ему извинения за перемещение премьеры с 1984 года на август 1979-го и из Афин в Эпидавр. Благодарю также мою греческую переводчицу Василики Нику, через которую и шло наше общение.

Мои бабушки и прабабушки, как, впрочем, и все остальные мои предки, с обиженными минами являвшиеся мне во сне, просили предупредить читателей, что не имеют к этой истории никакого отношения. Все нижеописанное происходило только в моем воображении. А может, что-то подобное и случилось, но в какой-то другой семье, не в нашей, издревле состоящей из людей почтенных, праведных и безупречных во всех проявлениях общественной и личной жизни.

Кузина Лауретта просит отдельно указать, что ее не существует: она, как и другие персонажи, лишь плод моей фантазии.

Б. П.

Действующие лица

Семья Феррелл

в Ордале

Гарсия и Химена, первые благородные предки, конец
XVI века

Клара Евгения, середина XVIII века

в Доноре

Феррандо, родился в середине XIX века

Инес де Лусада, жена Феррандо

Ада Феррелл де Лусада (Ада-старшая),
дочь Феррандо и Инес

Эльвира, кузина Феррандо

Семья Бертран (происходят из Брюгге, но переехали
во Флоренцию)

Гаддо (сын Вьери и Биче), родился в середине XIX века

Лукреция Малинверни, первая жена Гаддо

Танкреди и Клоринда Бертран-Малинверни, дети Гаддо
и Лукреции, близнецы

Армеллина Диоталлеви*, найденыш, гувернантка
и экономка семьи Бертран

Семья Бертран-Феррелл

в Доноре (Гаддо женился во второй раз на Аде Феррелл де Лусада и обосновался в ее родном городе)

Диего, Санча, Консуэло, Инес, дети Гаддо и Ады-старшей
Маддалена Пратези*, жена Диего Бертран-Феррелла

Ада-младшая Бертран-Пратези, дочь Диего и Маддалены
Дино Аликандиа*, муж Санчи Бертран-Феррелл

Грация, Романо, Витторио и Умберта Аликандиа-Бертран,
дети Санчи и Дино

Джорджо Артузи*, первый муж Консуэло Бертран-
Феррелл

Джулио Артузи-Бертран, сын Джорджо и Консуэло
Джероламо Дессарт*, второй муж Консуэло Бертран-
Феррелл

Мариза, Мирелла и Гаддо-Андреа Дессарт-Бертран, дети
Консуэло и Джероламо

Томмазо Ланди*, муж Инес Бертран-Феррелл

Лауретта Ланди-Бертран, дочь Инес и Томмазо

Лоренцо, Лукреция, Родольфо и Джиневра Ланчьери,
дети Грации Аликандиа

Санча-младшая и Симоне Аликандиа, дети Романо

* Не являются кровными родственниками Ферреллам, Бертранам или Бертран-Ферреллам, но связаны с ними через брак или иным образом.

Барбара Аликандиа, дочь Витторио
Джакомо Досси*, муж Лауретты Ланди
Ада-Мария и Якопо Досси, дети Лауретты

Прочие действующие лица

Гаэтано Арреста*, бухгалтер Ады-старшей и ее
воспитанник

Мириам Арреста*, младшая дочь Гаэтано

Доктор Оттавио Креспи*, лечащий врач Танкреди
Бертрана

Клементина Креспи*, его жена

Лео Кампизи*, друг детства Ады-младшей

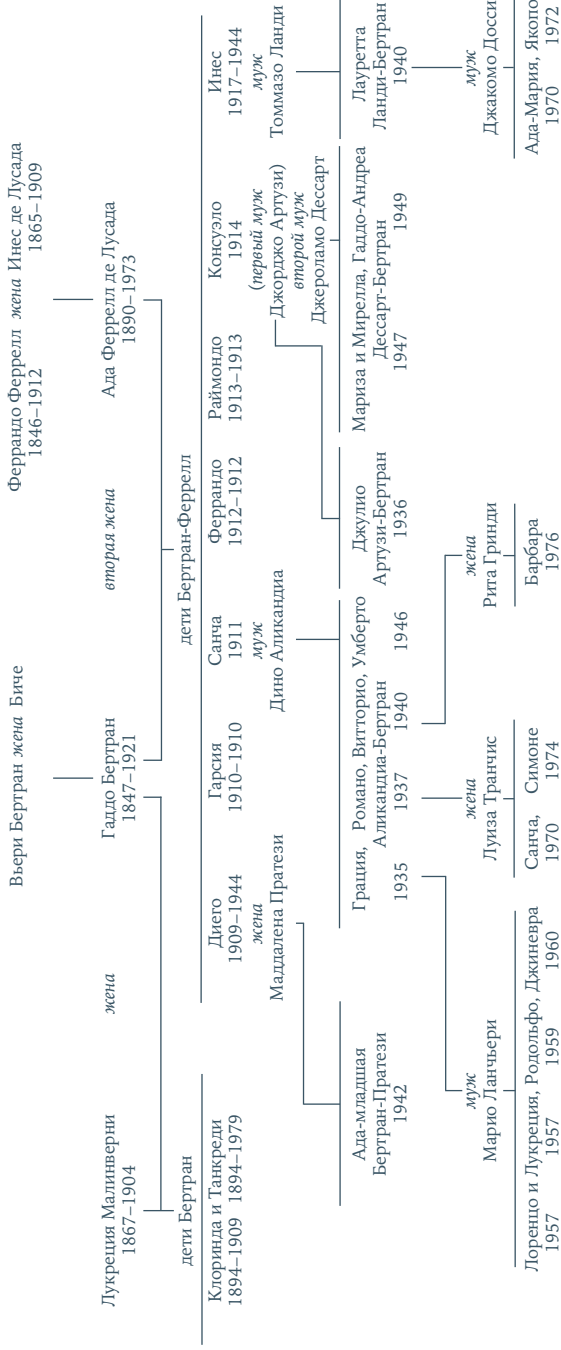
Чечилия Маино*, невеста Лео

в Болонье

Джулиано Маджи*, партнер Ады-младшей

Дария Гваланди*, подруга Ады-младшей

Гарсия и Химена Феррелл: прародители, конец XVI века
 Клара Евгения Феррелл: партизанка, конец XVIII века
 Диего Феррелл: отец Феррандо, XIX век

Другие действующие лица, связанные с семейством Бертран-Феррелл:

Армеллина Дичоталлеви (1888–1979), найденыш, гувернантка близнецов Бертран

Газзано Арреста (1899–1976), воспитанник донны Ады Феррелл, и его дети: Сперанца, Серджо, Аньезе, Вильяма, Мириам

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Портрет
Ады Бертран
на диване

(акрил)

Такого оргазма Ада Бертран не испытывала еще никогда. Или правильнее сказать «не достигала»? Во времена расцвета феминистского движения ей неоднократно доводилось участвовать в бесконечных дискуссиях относительно точности терминов, шла ли речь о сексе или о политике (что тогда, по сути, было одно и то же). Как-то раз они с приятельницами всю ночь пытались решить, что написать в листовке: «сожалеем», «решительно осуждаем» или «клеим позором». Тогда это было вопросом жизни или смерти, а теперь, пятнадцать лет спустя, потеряло всякое значение. Факты, точнее, дела, а не слова — вот что на самом деле оказалось важно.

Себя Ада Бертран всегда считала женщиной рациональной. Вот почему ее так изумила (или даже ошеломила) сила этого ощущения (взрыва? экстаза? метаморфозы? или просто безумного удовольствия?), подобного которому она в своей жизни еще никогда не испытывала. Ни разу.

Ни с Фабрицио, который стал ее первым мужчиной. Ни когда крутила любовь с Дзено в университете прямо во время лекций, уединяясь с ним в какой-нибудь подсобке на свернутых в рулон матрасах, спальниках и рюкзаках.

Ни когда в феминистском клубе женского сексуального самообразования они с подругами пробовали применять на себе и друг на друге советы из руководства «Радости секса» или феминистской библии тех лет «Мы и наше тело», написанной несколькими искушенными дамами из Бостона. Ни со случайными партнерами на одну ночь в период «Великих приключений и путешествий» автостопом в шестидесятые (позже Эрика Йонг в своих романах назовет это «сексом нараспашку»). Ни даже в первые несколько раз с Джулиано после пары месяцев его активных ухаживаний, хотя она и была приятно удивлена мастерством этого очкастого ботаника, оказавшегося серым кардиналом адвокатского бюро его приятеля Альваро. Ни с кем. Никогда.

Одно время ей казалось, что оргазм — просто некий воображаемый термин, универсальный аргумент, автоматически прекращающий любые споры. Женщины прошлого, например ее собственная бабушка, в молодости небось и слова такого не знали, а в старости, услышав его, только сердились.

Но теперь Ада наконец поняла, что это ощущение не сравнимо ни с каким другим. Словно тебя зашвырнули в далекий космос и ты летишь через угольно-черную пустоту межзвездного пространства, обжигающую одновременно и нестерпимым жаром, и ледящим холодом. Она как будто поднялась в воздух, за бесконечно долгое мгновение достигнув потолка своей монашеской кельи в университетской общаге, и замерла, глядя на смятую постель и два тела под простыней. Ее собственное, тело Ады Бертран:

загорелое, пока еще стройное и подтянутое, голова запрокинута, волосы разметались по подушке, глаза широко распахнуты. И, на ней и в ней, прекрасное, восхитительное тело незнакомого юноши, уткнувшегося лицом в подушку, навалившееся на нее всей своей тяжестью. Он тогда сразу заснул. С мужчинами это частенько случается. С женщинами, говорят, реже: с ней, например, такого не бывало ни разу.

И сейчас, хотя все происходило не во сне, а наяву, ее сознание будто распалось, раздвоилось. Одна Ада лежала в постели, чувствуя, как медленно отступает волна удовольствия, сердце понемногу восстанавливает ритм, а дыхание успокаивается, другая парила под потолком, бестелесная, но живая. И эта вторая, видя не только комнату с кроватью, но и парк за стеной, и готические окна библиотеки, в которых даже в этот полуночный час горел свет, и каждую комнату дома в далекой Болонье, и те, что еще дальше, в Доноре, сперва подумала: «Разве такое бывает?» — а потом: «Вот теперь я наконец понимаю, почему это называют “маленькой смертью”».

Ада Бертран была женщиной рациональной. Даже чересчур. Она никогда не теряла контроля над собой. Частенько любовники (те, кому не повезло сразу уснуть) возмущались, что она всегда оставалась сосредоточенной и внимательной, а партнеров находила порой забавными, порой скучными, но в любом случае достойными пары-тройки критических стрел. Словно профессор, готовый выставить студенту оценку в зачетку, или член жюри конкурса,

притворяющийся его участником. Да еще и старающийся подобрать правильные слова, на ходу дающий определение тому, что нельзя понять, а можно только почувствовать, чему нет и не может быть названия.

Там, под потолком, за миг до возвращения в свое лежащее в постели тело, вторая Ада подумала: «Невероятно, что я впервые поняла это только здесь, в Кембридже. Мне тридцать семь, и это моя первая маленькая смерть. И теперь я возвращаюсь. Я умерла, а теперь возрождаюсь в мире живых».

Еще более невероятно, что все это случилось во время конгресса антиковедов, собравшихся в Кембридже в июне 1979 года, чтобы поговорить о *некюйе* (или по-гречески, как предпочитала Ада, *νέκυια*) — путешествиях за край ночи, туда, где мертвые возвращаются, чтобы поговорить с живыми.

2

Получив приглашение на конгресс, Ада решила было, что ехать ей не хочется. Организаторов она почти не знала, поэтому не могла понять, насколько весомы их исследования и по каким критериям подбирались докладчики, а рисковать своей репутацией серьезного ученого не собиралась. Допустим, репутация эта пока не бог весть какого масштаба, но еще может вырасти, так что стоит ее побережь. Да и время неудачное: в конце июня она обещала дяде

Танкреду дней на двадцать приехать в Донору, чтобы, как обычно, составить ему компанию и помочь перебраться на лето в загородный дом. Конечно, можно попросить Лауретту ее подменить; кухня фыркнула бы, но не отказала. Правда, дядя наверняка обидится — хотя бы потому, что в августе Ада тоже не могла его навестить: она уже запланировала путешествие в Грецию с Дарией, лучшей подругой и напарницей по всем авантюрам еще с университетских времен. И это был не отпуск, который можно отложить, а деловая или, точнее, исследовательская поездка. Без нее об осеннем конкурсе и мечтать не стоило.

К тому же в августе в Эпидавре собирались ставить рок-оперу Мимиса Плессаса, вдохновленную мифом об Орфее и Эвридике. Такую возможность Ада тоже не могла упустить: повторять это необычное представление, скорее всего, не будут. Дария, которая отправлялась с ней за компанию, чтобы поснимать греческие пейзажи и использовать их в своей работе декоратора, отложить поездку могла, Ада — нет. Но не оставлять же дядю в одиночестве в июне?

Дария убеждала ее: «Это займет всего пять дней. И учти еще, что твой доклад опубликуют, а оно того стоит. У тебя же все готово, напрягаться не придется. Это самый красивый колледж в городе, поездку и проживание оплачивают и тебе, и сопровождающему, так что можешь взять меня с собой. Кембридж в начале лета чудесен. Не представляешь, сколько бесценных фотографий я могла бы сделать в этих садах... И потом, может, нам встретится какой-нибудь привлекательный японец, как в прошлый раз в Оксфорде...»

То, о чем она говорила, случилось несколько лет назад на углубленном курсе английского языка. Японские девушки, которые его посещали, оказались редкостными уродинами: все как одна с длинными, лошадиными лицами и именами, начинающимися с «кацу-»*, что вызывало непрестанное веселье итальянцев. А вот трое их земляков были так красивы, что дыхание перехватывало: высокие, стройные, мускулистые, с чувственными губами... И лодку по Айзису** они водили с большим знанием дела — во всяком случае, по словам Дарии, проверившей это под одеялом. В абсолютной, надо сказать, тишине. Она испытала всех троих по очереди, так что ее экспертное заключение можно было считать совершенно обоснованным, в то время как Ада ограничилась ухаживаниями некоего голландца с вечной трубкой в зубах, которые, впрочем, так ничем и не кончились.

Дария тогда уже наслаждалась прелестями брака, но летом, особенно за границей, не считала необходимым хранить мужу верность. Она много лет принимала таблетки, а на женских курсах секспросвета научилась предохраняться и от венерических заболеваний. О мужчинах она предпочитала ничего не знать и им о себе не рассказывала, считая, что этим гарантирует отсутствие преследований, телефонных звонков, писем и сожалений. Интрижка, трах — и хватит, говорила Дария. Она держалась за мужа, но считала делом

* Созвучно итальянскому ругательству.

** Название реки Темзы в Оксфорде.

чести быть настолько современной и раскрепощенной, насколько это только позволял брачный договор.

И теперь, осторожно пытаясь выпутаться из-под руки молодого человека, обхватившей ее за шею, Ада удовлетворенно подумала: «Я о нем ничего не знаю: откуда он родом, на каком языке говорит... Даже имени, не говоря уже о том, чем он занимается... И он ничего обо мне не знает».

Единственное, что она знала точно: незнакомец живет в этом же общежитии, а значит, с утра может претендовать на какое-то «после», пусть и совсем короткое. Это ее раздражало. Нужно найти способ с ним больше не встречаться. Будучи женщиной рациональной, ни о какой влюбленности Ада Бертран не думала. И о том, чтобы повторить опыт, — тоже, каким бы странным это ни показалось читателю.

3

Два десятка участников конгресса из разных стран прибыли еще накануне вечером, почти все со спутником или спутницей. Они остановились в одном общежитии, на лето избавившемся от студентов, ужинали вместе при свечах за длинными столами в огромной трапезной под великолепными готическими сводами, но никто так и не представил их друг другу. Буклет на стойке администратора сообщал лишь имена докладчиков, и без фотографий не было понятно, кто есть кто. Многие прикрепили на лацканы

бейджики, но тусклое освещение не позволяло что-либо прочесть, если, конечно, совсем не уткнуться в собеседника носом.

Подруги безумно устали и растерянно озирались. Никто не обращал на них внимания. Единственным знакомым Аде лицом оказался Дитер Хорландер из Виттембергского университета, крупнейший из ныне живущих специалистов по гомеровскому языку. Он сильно постарел с их последней встречи несколько лет назад на конгрессе филологов-классиков в Стамбуле. Одряхлел — вот более подходящее слово. Интересно, как он до сих пор путешествует, если и стоять-то не может, не опираясь на палку? Разве что его сопровождающая — медсестра. Во всяком случае, присутствие Хорландера немного успокоило Аду относительно серьезности мероприятия.

А внимание Дарии привлекла очень юная и очень красивая девушка в дальнем конце центрального стола. Время от времени бросая сонные взгляды из-под полуопущенных век, она ухаживала за пожилым человеком с жидкими седыми волосами, зачесанными поперек лысины. За спинкой его стула стояли костыли.

— Наверное, дочь, — заметила Ада. — Лицо у нее знакомое.

— Типичное для прерафаэлитов, — возразила Дария. — Она могла бы быть моделью у Данте Габриэля Россетти. «Корделия и король Лир».

— Или как у Эллен Терри на фото Джулии Маргарет Кэмерон.

Будучи студенткой, Ада завешала всю комнату купленными в Англии постерами с портретами работы знаменитого викторианского фотографа и теперь частенько задавалась вопросом, нравились ли они ей сами по себе или потому, что Джулия Маргарет приходилась теткой Вирджинии Вулф, еще одной ее юношеской страсти.

Но даже сейчас, спустя почти двадцать лет, меланхоличный вид и усталый, невидящий взгляд этой девушки ее заинтересовали.

По приезде Ада и Дария с радостью обнаружили, что спать им придется не вместе, а в двух одноместных комнатах Old Building, самого древнего и впечатляющего в колледже корпуса, которого студенты обычно избегали из-за отсутствия душа. Обе комнаты располагались на втором этаже; на площадку выходили еще две двери: первая вела в общую ванную, вторая — в третью спальню. Дверь туда все время была открыта, а ключ торчал в замке: по-видимому, постоялец пока не прибыл.

— Повезло. Надеюсь, ее так никто и не займет, — сказала Ада. — Тогда весь этаж останется в нашем распоряжении.

Но этим надеждам не суждено было сбыться. А повезло им или нет, никто в тот момент сказать не мог.

Утром, всего лишь следующим после приезда утром, хотя казалось, что с тех пор прошла уже целая вечность, Ада проснулась около девяти. Конгресс начинал работу только в одиннадцать, а ее выступление и вовсе запланировано на вторую половину дня. Можно было вдоволь понежиться в постели, поэтому будильник Ада не заводила. На двери комнаты Дарии она нашла записку: «Пойду поработать на реку, свет замечательный. Увидимся за обедом».

Фотографии служили Дарии образцом для *trompe-l'œil**, которыми она расписывала стены самых роскошных особняков Болоньи и ее окрестностей (*порой* называя их «муралями»), словно воображая себя таким женским вариантом Диего Риверы).

В общей ванной обнаружили лишнее полотенце, еще влажное, и мужской несессер, а на полочке под зеркалом — бритва. Дверь в третью спальню была закрыта.

Завтрак организаторы устроили под открытым небом. Низкая живая изгородь по краю большой лужайки с тыльной стороны здания пестрела красными фуксиями с лепестками, напоминавшими сережки в стиле либерти, пионами всех оттенков, от белого до розового, и пышными синими цветами, названия которых Ада не знала, высокими и прямыми, словно алтарные свечи. За столиками оставалось лишь

* Обманка (фр.) — технический прием для создания оптической иллюзии трехмерности нарисованного объекта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru